

НЕСОМНЕННЫЙ ГЕНИЙ

Владимир Григорьевич Николаев

Доктор медицинских наук, профессор, член-корреспондент НАН Украины, заведующий отделом физико-химических механизмов сорбционной детоксикации Института экспериментальной патологии, онкологии и радиобиологии им. Р.Е.Кавецкого НАН Украины. "В.Г.Николаев — личность неординарная: ученый — по призванию, лидер — по характеру, человек — мятежный, обуреваемый порой нестандартными и даже чудными идеями". (Э.Сабадаш)

"Мы работали над аппаратом искусственного кровообращения, оксигенаторами, способами запуска сердца после его остановки, в общем, работали на кардиохирургию. Что-то получалось, что-то так и осталось теорией. Я был хорошо знаком с академиком Н.М.Амосовым, к которому попал еще 19-летним мальчишкой со своим первым прожектором, он хорошо меня принял, мы дружили более сорока лет, до последних дней его жизни". (В.Г.Николаев)

Познакомился я с Николаем Михайловичем Амосовым в году 1963-1964 и дружил с ним, особенно последние десять лет, до самой его смерти. Интересный это был человек. Прежде всего — информофаг. К сведениям и фактам самого разного рода жаден был необыкновенно. "Ну что, узнал что-нибудь новенькое, интересное? Если да — приходи", — говорил он мне вполне бесцеремонно. Меня же к нему влекла не только искренняя привязанность, но и любопытство натуралиста. Николай Михайлович не подходил ни под одну классификацию. С одной стороны, в жизни я не встречал человека, более соответствующего понятию "гениальность", а, с другой стороны, определить конкретно, в чем же она, эта гениальность, состоит, было необычайно трудно. Хирург — да, конечно, но все же не Милроуз, не Дебеки, да и сам о себе в этом смысле он высказывался без всякой почтительности. Писатель? — помню, каким талантливым показалась мне начало его повести "Мысли и сердце", но дальше — увы. Кибернетик, социолог? Нет, не то, все не то. Хотя блеска и здесь хватало. Чего стоила, например, придуманная им шкала материального достатка, от "очень богатый" до "очень бедный", с последним, отдельным пунктом — "интеллигент". Несмотря на всю успешность и даже славу - кстати, он это ценил и точно знал, где и что можно сказать, а где — нельзя, - чувствовалось в нем что-то недоговоренное и несостоявшееся. Ну как у Андрея Вознесенского: "...Коперник, погибший в Ландау галантном..." Какой только чуши я не придумывал по этому поводу. Например, на голубом глазу убеждал Николая Михайловича, что в нем пропал великий балетмейстер, потому что фраза у него - как жест. Амосов относился к моим упражнениям с ему вобщем-то не свойственным добродушием, видимо, определив для меня местоэтакого Кота при Воланде. А голос у него действительно был с воландовскими обертонами - тяжелый и ноский. Поближе к упомянутому оригиналу я слышал еще только один такой, но — свят-свят — ни за что не скажу чей. Момент истины, как водится, возник случайно. К нам в клуб перед своими вторыми выборами захотел прийти Леонид Данилович Кучма, о чем он, столкнувшись где-то с Николаем

Михайловичем, ему и сказал. О, клуб — это особое место, о нем стоило бы рассказать отдельно. Визит этот, правда, не состоялся — пришедшему к нам чиновнику из Администрации, видимо, не понравилось наше настроение. К тому же кто-то вспомнил, как в предыдущем своем у нас выступлении Леонид Данилович заметил, что победить мафию можно, только ее возглавив, вспомнил и попросил подготовить ответ — удалось ли это. В общем, лопнуло дело. Но в порядке подготовки Николай Михайлович написал страниц 30 для просвещения и научения Президента - от своей гипотезы о саморегуляции биологических молекул до описания положения в Украине. Написанное он раздал членам клуба с просьбой ознакомиться и покритиковать. Я, каюсь, читать это вдумчиво не стал, но отдал своему отчиму, человеку весьма образованному. Отчим ознакомился и среди прочего сказал: "А спроси-ка Николая Михайловича, почему он не ссылается на Канта — ведь местами он прямо излагает его "Пролегомены"? Ничтоже сумняшеся, я задал этот вопрос Амосову. "Какие "Пролегомены", — удивился тот. — Не знаю, не читал". А "Критику чистого разума?" — "Тоже нет!" Вижу, святую правду говорит, тексты очень тяжелые, если читал бы, то запомнил. И стало все на свое место. Надо же - заново выдумать Канта! О, если бы не эта Страна, и не эта Война. В Марбург бы его, в Марбург, как Пастернака! Или, того лучше, в Вену, в Большую Философию. И мог бы он стать нашим духовным лидером, Ганди славянского мира. Увы, не связалось, не суждено... Но вот еще что меня беспокоит, вроде бы и не об этом, но что-то есть. Зимой 2002 года мы с женой ненадолго поехали в Англию. Николай Михайлович уже был очень плох и жил на кислороде. Около полудня в день отлета домой мы вышли на Брайтонскую набережную. Дул сильный, но не холодный ветер, обычный для этих мест. Какая-то старая женщина с маленьким белым пуделем шла нам навстречу и, разминувшись, сказала "Sorry". Посмотрев на нее, я замер: лицо ее, усталое и смертельно бледное, было точной копией лица Николая Михайловича. "Кого она тебе напоминает?" — быстро спросил я у жены. — "Боже мой, Амосов". Это было совершенно невозможно: ни разу за 40 лет я не видел и мужчины, сколько-нибудь схожего с моим другом, — такая своеобразная, неповторимая физиономия была у него. А тут — буквально близнец, но в женском обличье. Поздно ночью, когда мы прилетели в Киев, тесть сообщил мне, что сегодня умер Амосов. И вот что я скажу в заключение: верил Николай Михайлович во всякие паранормальные феномены, хотя сам вроде бы с ними и не сталкивался. Говорил, что возможна "вторая физика". Не она ли дала о себе знать в последний день его жизни?

2009 г.

"Николай Амосов. Воспоминания современников"
Киев, Издательский дом "Личности", 2015